

© 2005 **Е. Булыгин**

Университет Буэнос-Айреса (Аргентина)

Евгений Булыгин (Eugenio Bulygin) – р. 1931, в г. Харькове, известный аргентинский юрист, философ и логик права, почетный профессор Университета Буэнос-Айреса. В 1963 году защитил докторскую диссертацию в области права и социальных наук. С 1960 года преподает философию права и введение в право в Университете Буэнос-Айрес. 1963-1964 – работал под руководством проф. У. Клуга (Кёльн), Г. Вельцеля (Бонн) и 1968-1969 в Оксфорде (с проф. Хартом). 1984-1986 – декан юридического факультета УБА, 1986-2001 – судья Апелляционного Суда Аргентины.

Его работы широко известны во всем мире. Среди них – «Нормативные системы» (Вена-Нью-Йорк, 1971, Буэнос-Айрес, 1975, Фрейбург-Мюнхен, 1994, Турин, 2005), «О существовании юридических норм» (Валенсия, 1980, Мехико, 1995), «Логический анализ и право» (Мадрид, 1991), написанные в соавторстве с Карлосом Алчуроном, другие книги и статьи.

Член Исполнительного Комитета Международной ассоциации философии права и социальной философии (IVR) с 1987 г., 1991-1999 – вице-президент, 1999-2003 – президент IVR.

Владеет русским, испанским, немецким, английским и итальянским языками.

К ПРОБЛЕМЕ ОБЪЕКТИВНОСТИ ПРАВА

1. Постановка проблемы

Проблема объективности права будет рассматриваться здесь из исходного пункта правового позитивизма*. Я полностью осознаю то, что выражение «правовой позитивизм» весьма многозначно. Позитивизм Бергбома либо Радбруха имеет только отдаленное отношение к позитивизму Кельзена или Харта. Сам Кельзен был охарактеризован другим известным позитивистом, Альфом Россом, как «квази-позитивист». В настоящее время много говорят (на мой взгляд, чересчур много) об «экслюзивном и инклюзивном правовом позитивизме» как двух различных формах правового позитивизма.

В последующем я буду понимать под правовым позитивизмом теорию либо теории, которые характеризуются посредством двух следующих тезисов: 1) Тезис социальных источников права, согласно которому право есть человеческое творение, имеющее свой исток в социальных фактах и 2) разделительный тезис: не существует необходимой (то есть понятийной или логической)

связи между правом и моралью. Из этого следует, что содержание правопорядка может быть исследовано и установлено безотносительно к моральным и политическим ценностям**.

При этом меня интересуют следующие вопросы:

I. Возможно ли реализовать позитивистский идеал свободной от ценностей правовой науки (как это требовали Макс Вебер и Кельзен)?

II. Всегда ли существует правильный ответ на любой правовой вопрос?

Мой ответ на вопрос (I) позитивен; вопрос (II) получает негативный ответ.

2. Объективность

Вопрос об объективности права является сложной и часто обсуждаемой проблемой. Чтобы иметь возможность ответить на этот вопрос, необходимо провести некоторые различия, дабы установить, какое понятие либо понятия объективности задействованы здесь и относительно какой деятельности, связанной с правом, уместен этот вопрос.

* Под правовым позитивизмом я подразумеваю теории таких авторов, как Кельзен, Альф Росс, Харт и Боббио. Их никак нельзя обвинить в довольно распространенном (особенно в России и в Украине) и совершенно ошибочном мнении, что позитивизм состоит в требовании исполнять беспрекословно все нормы позитивного права.

Проблеми філософії права. – 2005. – Том III. – № 1-2.

** Из этого совсем не следует, что мы должны слепо исполнять все нормы позитивного права. Позитивное право может и должно критиковаться с точки зрения морали или политики.

Прежде всего, следует различать эпистемологическую и метафизическую объективность [12]. Эпистемологическая объективность исходит из того, что наш процесс познания должен быть свободен от предрассудков и иных искажений. Метафизическая объективность взаимосвязана с истиной. Утверждение объективно в этом смысле тогда и только тогда, когда оно представляет положение дел так, как оно есть на самом деле, независимо от наших мнений и предрассудков. Мармор [16, р. 112-134] определяет метафизическую объективность как отношение между утверждением и существующим в мире объектом, который описывается данным утверждением. Предложение объективно тогда и только тогда, когда объект существует, и субъективно – когда подобного объекта не существует. Это определение объективности зиждется на двух предположениях. Первая состоит в том, что объективными могут быть лишь дескриптивные предложения, и вторая – в принятии теории истины Аристотеля-Тарского (корреспондентной теории истины).

В этой статье я отстаиваю мнение, что правовые предложения, или, скорее, правовые предложения определенного вида, являются дескриптивными и могут быть истинными.

3. Нормы и нормативные предложения

Право, преимущественно, но не исключительно, состоит из норм, то есть из предписаний, которые требуют, запрещают либо разрешают определенное поведение при определенных обстоятельствах. Это означает, что функция правовой нормы в первую очередь (но не исключительно) прескриптивна. Для позитивистской теории права нормы не являются ни истинными, ни ложными, но высказывания о нормах, которые утверждают, что определенная норма существует или принадлежит к известному правопорядку или в данном правопорядке действительна либо имеет силу, имеют значение истинности: они могут быть истинными либо ложными. Подобные высказывания можно – в терминологии, идущей от фон Вригта, – назвать *нормативными предложениями*. Дабы избежать неправильного понимания, следует отметить, что нормативные предложения являются дескриптивными, а не нормативными, в обычном смысле этого выражения. Они нормативны лишь в том смысле, что высказывают нечто о норме [20; 1; 5; 3; 4; 6].

Я рассматриваю различие норм и нормативных предложений как весьма существенное для философии права и нормативной логики. Это

различие частично стирается посредством обстоятельства, что одно и то же языковое высказывание, как, например, «курение запрещено» или «Ганс должен заплатить Генриху 100 евро», может часто употребляться и как норма, и как нормативное предложение. Но это не меняет факта, что их смысл, их логическая структура и функции совершенно различны. Нормы могут быть действительны либо недействительны, эффективны либо неэффективны, они могут соблюдаться или нарушаться, но они ни истинны, ни ложны. Нормативные предложения, напротив, не могут быть охарактеризованы как действительные либо эффективные, они не могут быть ни соблюдены, ни нарушены. Но они истинны либо ложны.

Факты, делающие нормативные предложения истинными, суть сложные, институциональные факты, которые частично состоят из эмпирических фактов, а частично из социальных конвенций, таких как обычаи (практика) либо поступки определенных лиц, что, например, происходит при законодательстве либо судопроизводстве. При этом возможные в отдельных случаях практические трудности, заключенные в принципе определения, является ли определенное нормативное предложение истинно либо ложно, не означают, что препятствие непреодолимо.

Поскольку правовая наука может формулировать истинные нормативные предложения о содержании права, позитивистский идеал свободной от ценностей правовой науки выглядит реализуемым. Это позволяет мне дать позитивный ответ на вопрос (I).

4. Объективность права

Мармор предлагает различать четыре сферы проблем, в которых может быть затронут вопрос об объективности права: 1) Идентификация права (“Can we have objectively right and wrong answers to the question what the law is on particular issues?” – «Можем ли мы иметь объективно правильные или неправильные ответы на вопрос, что есть право в частном случае?»). 2) Оценка права (“Is the law objectively right or wrong, good or bad?” – «Является ли право объективно правильным или неправильным, хорошим либо плохим?»). 3) Функция права для решения конфликта интересов в споре о праве. 4) Объективность правовой науки.

Здесь уже должно быть ясно, что вопрос об объективности права для правового позитивизма может быть затронут лишь касательно нормативных предложений, но не относительно право-

вых норм. Это означает, что мы не можем заняться второй проблемой.

Проблема объективности права может быть затронута как вопрос об условиях истинности нормативных предложений. Типичные правовые вопросы существуют в форме: «Соответствует ли системе норм S предписание (запрещение, разрешение) деяния p при обстоятельствах q ?». (« S » олицетворяет здесь собой любую нормативную систему; не только целостный правопорядок, как, например, французское право, но также любую подсистему, такую как немецкий ГК либо итальянские правила дорожного движения. Как это аргументируется в *Normative Systems*, любая совокупность правовых норм может рассматриваться как определенная нормативная система).

Ответы на подобные правовые вопросы могут быть двоякого рода: позитивными либо негативными. Ответ позитивен тогда и только тогда, когда право определяет нормативный статус интересующего нас деяния, и негативен, когда оно не определяет его. Позитивный ответ был бы чем-то типа: «Согласно системе норм S p предписано (либо запрещено или разрешено) в случае q ». Но ответ может быть также негативным. Негативные ответы могут быть двоякими: (1) «Согласно системе норм S p ни предписано, ни разрешено, и воздержания от p ни требуется, ни разрешается в случае q » или (2) «Соразмерно системе норм S p предписывается и воздержание от p разрешается в q ».

Ответ (1) истинный, когда S не содержит норм относительно p : соразмерно системе норм S , p ни предписано, ни запрещено, ни разрешено в q . В таких случаях мы говорим, что система норм обнаруживает *нормативный пробел* в случае q .

Второй ответ говорит, что S содержит нормативное противоречие, так что в случае q имеется, по меньшей мере, две противоречивые нормы. Возможность нормативных противоречий и пробелов в праве отрицалась многими философами права. Это не слишком удивительно для тех авторов, которые верят в естественное право или (чем приходят к тому же самому) защищают необходимость взаимосвязи морали и права, как это делают, например, Дворкин либо Алекси. Но в позитивистски ориентированной философии, которая отстаивает и разделительный тезис и тезис о социальных источниках права, подобные утверждения не могут не удивить. На самом деле, на первый взгляд (но лишь на первый взгляд) кажется, что нормы и принципы идеальной морали не могут иметь пробелов и должны быть совершенно свободными от противоречий. Но было бы более чем странно ожидать подоб-

ного совершенства от норм позитивного права, которые производятся людьми и, как все человеческие творения, могут быть ошибочными. Ничто не гарантирует, что нормы позитивной системы права являются всегда полными (в смысле отсутствия пробелов) и непротиворечивыми. При этом следует принять во внимание: это означает не только то, что особо мудрый и добросовестный законодатель касательно определенной области может создать полную и непротиворечивую систему норм, но и то, что всякая система норм (то есть все возможное множество правовых норм) необходимо является полной и непротиворечивой. Это звучит абсолютно фантастически, но есть знаменитые философы права, которые отстаивали подобные экстравагантные тезисы. Ганс Кельзен, несомненно величайший философ права 20 столетия, многие годы отстаивал данные положения, и Джозеф Раз, хотя он не отвергает возможности противоречивой системы права, поддерживает мнение, что нормативных пробелов не может быть и всякая система права на логическом основании всегда всеохватывающа [17; 8, p. 21-28].

5. Истинные (true) и правильные (right) ответы

Для тех позитивистов, для которых существует строгое различие между описанием права и его оценкой, должно показаться странным, что в современной дискуссии об объективности права речь идет о правильном, а не об истинном ответе на данную проблему. Не только Дворкин в его знаменитых статьях о «Правильных ответах» [11, p. 56-84; 10, p. 119-145], но также многие другие авторы предпочитали вести речь о правильных, но не об истинных ответах [14, p. 3].

В чем состоит различие между правильным и истинным ответом? У меня такое впечатление, что это терминологическое различие сигнализирует о смешении описания и оценки. Правильный ответ не является чисто истинным, это *хороший* ответ. И не трудно узнать, когда ответ рассматривается не только как истинный, но и как правильный либо хороший. Чтобы быть правильным, ответ на правовую проблему должен информировать нас об обязанностях и правах. Чисто негативный ответ, как, например, «система права S ничего не говорит о данном положении вещей», даже если он истинный, не рассматривается как правильный ответ.

В качестве следствия перемены направления от описания права к его оценке объективность схватывается как детерминация. Давид Бринк

выразительно говорит об “objectivity or determinacy of the law” («объективности, или детерминантности права») [7, р. 12]. Право рассматривается как объективное лишь тогда, когда оно представляет позитивный ответ на правовую проблему. “A conception of law can be understood to be objective insofar as it represents in actual or hypothetical controversies as *determining a uniquely correct outcome*” («Понятие права может быть понято объективно настолько, насколько оно представлено в действительном либо гипотетическом споре как *обуславливающее единственно верный исход*»). Право объективно лишь тогда, когда оно обуславливает отчетливо корректный или правильный результат. Из этого следует, что несовершенная либо противоречивая система норм не может рассматриваться как объективная. Это очень странная идея объективности.

6. Два понятия детерминации

Здесь необходимо различать две разные, однако взаимосвязанные проблемы. Одна суть объективность права, и это означает возможность формулировать истинные высказывания о праве. Иная есть детерминация, либо определение деонтического статуса деяния соразмерно некой нормативной системе. Нормативная система объективна, поскольку предлагает истинный ответ на правовой вопрос; данный ответ может быть позитивным либо негативным: это зависит от содержания нормативной системы и не касается ее объективности. Система права не полная (то есть с пробелами) и противоречивая настолько же объективна, как и полная и непротиворечивая, и мы можем формулировать об этом объективно истинные высказывания, которые не содержат «правильных ответов». Совершенно иное суть определенность результатов (*determinacy of the outcome*), то есть деонтический статус интересующих нас деяний. В случае нормативного пробела мы получаем негативный ответ на вопрос «р предписано, разрешено либо запрещено в q?». Данный ответ гласит: “р ни предписано, ни запрещено, ни разрешено в q”. Этот ответ может быть неудовлетворителен, но он объективно истинный, так как соответствующая система норм не определяет, какой деонтический статус имеет деяние р в случае q. Аналогично возможно высказать о противоречивой системе норм, что лишь здесь деяние сверхобусловлено: оно, например, предписано, но его неисполнение разрешено.

Практические следствия тождественны в обоих случаях.

Данный анализ понуждает нас провести различие между высказываниями *о праве* и высказываниями о деонтическом статусе деяния *соразмерно праву*. Неопределенность последнего высказывания не имплицитно неопределенность первого. Система норм, которая не обуславливает деонтического статуса определенного деяния, может быть объективной, в том смысле, что о ней можно сформулировать объективно истинное высказывание. Иначе говоря: может быть объективно истинным то, что система норм неполна либо противоречива, и тем самым деонтический статус деяния не определен. Это может рассматриваться как неудовлетворительное положение вещей, но это не меняет дела.

7. Детерминация и интерпретация

Иная проблема – определенность интерпретации, которая, казалось, интересовала Бринка, когда он дискутировал об объективности: “...debates about law’s objectivity can be seen as debates about the extent to which legal interpretation is determinate” («...дебаты об объективности права могут рассматриваться как дебаты о том насколько детерминирована правовая интерпретация») [7, р. 13].

Проблема интерпретации права весьма сложная, чтобы быть обстоятельно рассмотренной в короткой статье. Поэтому я ограничиваюсь некоторыми небольшими замечаниями. Мы должны провести различие, в первую очередь, между нормами и нормативными формулировками. Нормативные формулировки есть чисто речевая материя, предложение, в то время как норма суть интерпретированное предложение, языковое образование плюс его значение. Интерпретация (истолкование) нормативной формулировки состоит в том, что ей приписывается определенное значение. Таким образом, интерпретация может быть разъяснена как переход от нормативной формулировки к норме. Данный переход не всегда успешен; вполне может случиться (и очень часто случается), что нормативная формулировка многозначна. В таком случае приписать определенное значение становится невозможным; мы имеем дело не с *определенной* нормой, а с множеством возможных норм, и интерпретатор должен решить, какую из этих возможных норм приписывать тексту. Во многих случаях для данного решения не существует объективных критериев. Если значение неопределенно, то не существует истинного ответа на вопрос, как эта ситуация регулируется правом. Следовательно, право в подобных случаях не объективно. Ино-

гда сам законодатель принял соответствующее решение с помощью так называемых законодательных дефиниций [2, р. 439-464], но обычно это задача судьи. Только после решения судьи мы можем узнать, какая норма соответствует указанной нормативной формулировке. В этом смысле судебные решения содействуют детерминации, то есть объективности права.

Некоторые философы права отстаивают мнение, что интерпретация всегда неопределенна, истинных значений не существует, поэтому право не может быть объективным. Это, прежде всего, утверждает так называемая гегелевская школа*. Я выступал против этого в другом месте [9, р. 183-191], и здесь я кратко повторю мои аргументы.

Тезис гласит, что не все нормативные формулировки могут быть многозначными, ибо тогда не было бы никаких норм. Доказательство из рода *reductio ad absurdum* (доведения до абсурда). Примем, что все нормативные формулировки всегда многозначны. Примем, кроме того, что истолкователь находит нормативную формулировку p_1 , которая – согласно гипотезе – многозначна, то есть выражает несколько возможных норм. После тщательных испытаний и оценок различных вариантов он решается на одно возможное значение. Но поскольку не существует иных подходов к значениям кроме как с помощью языка, он должен предложить новую нормативную формулировку. Назовём ее p_2 . Но в соответствии с нашей гипотезой эта новая нормативная формулировка также многозначна и имеет различные возможные значения. Так интерпретатор должен выбирать одну из них и тем самым предлагать новую формулировку нормы p_3 , которая также многозначна, и так *ad infinitum* (до бесконечности). Поэтому если все формулировки норм многозначны, то всё, чем мы можем обладать, – это множество возможных норм, но не определенная норма. Это не правовая либо нормативная, но языковая проблема. Существенно, что язык должен содержать, по меньшей мере, несколько однозначных выражений. Язык, который не соответствует данным условиям как орудие понимания бесполезен. Это не означает, что он должен содержать выражения, которые всегда недвусмысленны, но в определенном контексте должны наличествовать однозначные (недвусмысленные) выражения.

* Её важнейшими представителями являются Giovanni Tarello, Riccardo Guastini, Paolo Comanducci, Tecla Mazzarese и Pierluigi Chiassoni.

8. Решение спорных вопросов

Каков мотив характеристики объективности с помощью правильных, а не истинных ответов? Важнейший мотив, по моему мнению, заключается в том факте, что негативный ответ не годится для того, чтобы обосновать судебное решение. Судья обязан не только решить представленный ему спор, но еще и обосновать свое решение с помощью норм права.

Обыкновенно судебный спор (по меньшей мере, в гражданском праве; по поводу уголовного я воздержусь, хотя дело там обстоит подобным образом) состоит в следующем: истец утверждает, что ответчик должен совершить определенное действие, а ответчик отрицает это. Но система права (состоящая из различных норм, как-то: законов, обычаев и т. п.) содержит лишь общие нормы, которые относятся к определенным классам либо типам действий и обстоятельств, тогда как судье положено разрешать индивидуальные случаи. Судье нужно решить, должен ли ответчик совершить требуемое истцом (индивидуальное) действие. Чтобы иметь возможность обосновать свое решение, судья обязан подвести частный случай под общий случай, который определен общей правовой нормой [19]. Эта операция успешна лишь в том случае, когда система права приводит к единственно правильному результату (“a uniquely correct outcome”) и это означает, что ответ должен быть позитивным, как, например, “ p предписано в случае q ” или “неисполнение p дозволено в случае q ” (характеризуемые p и q суть не частные, но общие обстоятельства дела). Но если нормативная система будет иметь в случае q нормативный пробел или противоречие, тогда p не будет детерминировано в случае q . Система норм не имеет позитивного ответа, и судья не может оправдать свое решение с помощью этой системы права, то есть он не может обосновать её правом. Здесь нужно еще добавить, что проблема неопределенности частных случаев также может исходить из третьего источника, а именно нечеткости (*vague-ness*) релевантных понятий, характеризующих случай. Такие случаи в *Normative Systems* называются *пробелами в опознании* (*gaps of recognition*).

В подобных ситуациях, кажется, дано лишь два выхода. Либо мы принимаем, что наша система права может быть ошибочной, и тогда судья должен не обосновывать случай существующим правом, а прибегнуть к иным (моральным либо политическим) критериям. Это то, что Харт называл *judicial discretion* (судейским ус-

мощением). При этом судья должен создать новую норму и стать как бы законодателем. Естественно, подобное судебское законотворчество может иметь место только в качестве исключения. Либо же мы отрицаем возможность, что система права может быть ошибочна (как это делает Дворкин). Но тем самым мы должны, дабы быть уверенными, что право всегда всеохватывающе и свободно от противоречий, вложить в право моральные принципы, посредством которых предполагается, что они устраняют все возможные ошибки из позитивного права, то есть, заполняют все пробелы и элиминируют противоречия. Не говоря о том, что этот шаг несовместим с правовым позитивизмом, нет гарантии, что система, которая содержит как правовые, так и моральные нормы и принципы, будет совершенной и непротиворечивой. Как раз наоборот. Кажется весьма вероятным, как уже отметил Макки [15], что апелляцией к нормам морали в право привносится еще более субъективности. Брайан Лейтер говорит очень точно: "If... one thinks that adjudication is "objective" in the sense that there are objectively right answers to legal disputes, then it might seem a bad idea to make right answers in law depend on moral considerations, as Dworkin does (Если... кто-то думает, что судебное решение «объективно» в том смысле, что там содержится объективно верный ответ на правовой спор, тогда может показаться плохой идея делать верные ответы зависимыми от моральных рассуждений, как это делает Дворкин)" [13]. Как настоятельно утверждает Расс Шафер Ландау [18, р. 584-611], совершенно не очевидно что этическая теория вообще может быть сконструирована как "coherent set of rules from which one can infer all determinate moral verdicts (когерентная совокупность правил, из которых можно вывести детерминирующий все моральный вердикт)".

9. Выводы

Из сказанного следует:

(1) Позитивистский идеал свободной от ценностей правовой науки возможен постольку, поскольку он понимается в том смысле, что систему права можно описать без привлечения моральных и прочих ценностей.

(2) Тезис, что на правовой вопрос всегда имеется правильный ответ, неверен. Почти всегда можно дать истинный ответ, хотя и это не всегда возможно (в случае пробела в опознании).

(Перевод с немецкого А. В. Стовбы;
научное редактирование и комментарий
С. И. Максимова)

Список литературы

1. *Alchourrón C.* Logic of Norms and Logic of Normative Propositions / *Logique et Analyse* 12. 1969. No. 47.
2. *Alchourrón C., Bulygin E.* Definiciones y normas, in *C. Alchourrón – E. Bulygin, Análisis Lógico y Derecho.* – Madrid, 1991.
3. *Alchourrón C., Bulygin E.* Introducción a la Metodología de las Ciencias Jurídicas y Sociales, *Astrea.* – Buenos Aires, 1975.
4. *Alchourrón C., Bulygin E.* Normative System, *Karl Alber, Freiburg-München,* 1994.
5. *Alchourrón C., Bulygin E.* Normative Systems *Springer Verlag, Wien.* – New York. 1971.
6. *Alchourrón C., Bulygin E.* Sistemi normativi. Introduzione alla metodologia della scienza giuridica, *G. Giappichelli.* – Torino, 2005.
7. *Brink D. O.* Legal Interpretation, Objectivity, and Morality in *B. Leiter, Objectivity in Law and Morals.*
8. *Bulygin E.* Legal Gaps, *Analisi e Diritto* 2002-2003. *Ricerche di Giurisprudenza Analitica,* a cura di *Paolo Comanducci e Riccardo Guastini.*
9. *Bulygin E.* True or False Statements in Normative Discourse, in *R. Egidi (ed.), In Search of a New Humanism,* *Kluwer.* – Dordrecht-Boston-London, 1999.
10. *Dworkin R.* Is There Really No Right Answer in Hard Cases? in *Matter of Principle.* – Cambridge, 1985.
11. *Dworkin R.* No Right Answer? in *P.M.S. Hacker and J. Raz (eds.), Law, Morality, and Society.* – Oxford, 1977.
12. *Leiter B.* Introduction in *B. Leiter (ed.), Objectivity in Law and Morals.* – Cambridge, 2001.
13. *Leiter B.* Objectivity, Morality, and Adjudication in *B. Leiter (ed.), Objectivity in Law and Morals.* – Cambridge, 2001.
14. *Leiter B.* The law is metaphysically objective insofar as there exist right answers as a matter of law. Introduction to *B. Leiter (ed.) Objectivity in Law and Morals.* – Cambridge, 2001.
15. *Mackie J. L.* The Third Theory of Law in *Marshall Cohen (ed.), Ronald Dworkin and Contemporary Jurisprudence.* – London, 1983.
16. *Marmor A.* Positive Law and Objective Values. – Oxford, 2001.
17. *Raz J.* Legal Reasons, Sources, and Gaps in Authority of Law. – Oxford, 1979.

18. *Shafer-Landau R. Moral Rules, Ethics*, vol. 107, 1997. No. 4

19. *Wright G. H. Norm and Action und C. Alchourrón – E. Bulygin, Normative Systeme*, Karl Alber. – Freiburg-München, 1994.

20. *Wright G. H. Norm and Action*. Routledge and Kegan Paul. – London, 1963.

Є. Булигін

ДО ПРОБЛЕМИ ОБ'ЄКТИВНОСТІ ПРАВА

Ця стаття присвячена проблемі об'єктивності права. На думку автора, відповідно до концепції правового позитивізму, право створюється людськими діями (тезис соціальних джерел) і не має необхідного зв'язку з мораллю. Об'єктивність означає, що зміст правової системи можливо описати через істинні твердження. Для позитивістського підходу є важливими два питання: (i) чи можлива вільна від цінностей правова наука? та (ii) чи завжди існує вірна відповідь на будь-яку правову проблему? Автор пропонує позитивну відповідь на перше питання та негативну – на друге. Ці відповіді базуються на двох концептуальних розрізненнях: а) поміж нормами і нормативними пропозиціями і б) між вірними та істинними відповідями на правові запитання. Об'єктивність права пов'язана з можливістю надання істинних відповідей; визначеність стосується вірних відповідей. Правова система об'єктивна навіть тоді, коли вона містить прогалини чи протиріччя, тобто коли навіть в деяких випадках не обумовлює вирішення судового спору.

E. Bulygin

ON THE PROBLEM OF THE OBJECTIVITY OF LAW

This article is dedicated to a problem of objectivity of law. The Author maintains, that for the positivist conception the law is created by human actions (the social sources thesis) and has no necessarily connection with morality. Objectivity means, that it is possible to describe the contents of a legal system by means of true statements. Two questions are essential for the positivistic approach: (i) is a legal science free of values possible? and (ii) is there always a right answer to every legal problem? The Author's answer to (i) is positive, and to (ii), negative. These answers are based on two conceptual distinctions: a) between norms and norm propositions, and b) between true and right answers to legal questions. Objectivity of law is related to the possibility of giving true answers; determinacy is related to right answers. A legal system is objective, even if it contains gaps or contradictions, i.e. if in some cases it does not determine the outcome of a legal dispute.